

1. *Бакланов Г.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1985. Т. 4. 2. *Бакланов Г.* О нашем призвании. М., 1979. 3. *Бакланов Г.* Военные повести. М., 1984. 4. *Бочаров А.* Человек и война. М., 1978. 5. Вопросы литературы. 1975. № 5. 6. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1985. 7. Молодой коммунист. 1976. № 5. 8. Словарь по этике. М., 1983. 9. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1951. Т. 53.

Статья поступила в редколлегию 15.04.89

Л. А. Орехова, доц.,
Симферопольский университет

Особенности воплощения военной темы в современной лирической прозе

Современная лирическая проза — мощное, с богатыми художественными и воспитательными возможностями стилевое течение. Ее отличает особое содержание, в основе которого «поток эмоций» автора, исследование действительности сквозь призму чувств писателя. Отсюда — форма прямого писательского монолога, раскованность повествования, свободное обращение с материалом, отсутствие хронологии в передаче событий и обстоятельств.

Причина успеха современной лирической прозы прежде всего в широком охвате жизни, многоаспектности и остроте проблематики. При этом — открытое выражение писательской позиции, звучность авторского голоса, диалог с читателем. В лирической прозе разрабатываются все темы: войны и мира, Родины, природы, исторической памяти, человеческого счастья и назначения на земле. Теперь уже ясно, замкнутость писателя-лирика в кругу интимных проблем и переживаний приводит к ненужной эстетизации чувства, делает повествование неинтересным и аморфным. Именно это завело в тупик «исповедальную» прозу 60-х годов: о ней стали говорить как о «затухающей», не способной дать «героя деятельного, в полном смысле современного» [8, с. 25]. Гегель предупреждал: «Не надо понимать так, что индивид, чтобы выразиться в лирических формах, должен отрешиться от всех и всяких связей с национальными интересами и воззрениями и формально опираться только на самого себя. Как раз напротив, в такой абстрактной самостоятельности содержания остается только совершенно случайная и частная страсть, произвол желаний и стремлений и открывается неограниченный простор для несурзных выдумок и капризной оригинальности чувства» [2, т. 3, с. 504].

Тема Великой Отечественной войны — одна из самых трепетных в лирической прозе. «Это тема человека, до конца, самым жесточайшим образом испытанного на прочность и верность Родине, народу, знамени» [3, с. 74]. По мере того как отдаляются военные годы, острее ощущают писатели-фронтовики потребность рассказать о войне так, как они ее видели и

пережили, «как запомнилось», «как отложилось». «Жизнь вся уже позади, а я все еще, будто и не было другой жизни, смотрю туда, в войну, во вчерешний день. Что я там пытаюсь рассмотреть, разглядеть?» — писал В. Субботин [9, т. 2, с. 496].

Убедительная сила лирической прозы о войне заключается в ее документальной основе. Это не привлечение документов в строгом смысле слова, но это опора на дневники, письма, воспоминания. По убеждению самих писателей, стилевое определение «документальная» к этой литературе неприложимо. В. Субботин отмечал, что при создании книги «Как кончаются войны» «никакими архивами не пользовался, а писал только то, что видел» [9, т. 2, с. 491]. М. Алексеев называл главным своим документом фронтовые корреспондентские записи, отсюда и название книги — «Биография моего блокнота». Но как бы то ни было, стремление к точности в воспроизведении фамилий, имен, портретов, событий объединяет этих писателей.

Военная лирическая проза, кроме рассказа об увиденном и пережитом, включает в себя авторскую исповедь, раздумья, пейзажные зарисовки, прямые обращения к читателю, молодежи (у С. Смирнова — в форме открытого письма, например). Происходит, таким образом, глубокое взаимопроникновение документального и лирического начал, что, как считал В. Г. Белинский, обеспечивает не только историческую добротность, но и художественность произведения: «Факты... не более как камни и кирпичи; только художественник может воздвигнуть из этого материала изящное здание» [1, т. 2, с. 316].

Построенная на воспоминаниях, лирическая проза о войне автобиографична («Последний поклон» В. Астафьева, «Птицы и гнезда» Я. Брыля, «Ранний снег» О. Кожуховой и др.). В лирической миниатюре «Судьба» В. Субботин размышляет: «Меньше всего хотел я быть военным писателем. Как же случилось это? Как случилось, что всего лучше знаю я, как какой снаряд летит и как какой осколок куда ложится... Я этого не хотел. Я хотел писать все то, что знал и любил, лес мой и деревню ту, в которой вырос... Новой биографии не создашь, осталась эта — какая есть» [9, т. 2, с.10]. И все же главное для писателя — не собственная судьба, а люди, рядом с которыми он сражался, скромные, неизвестные герои, простые солдаты. Поэтому непропорционально соотношение материала в книгах В. Субботина, М. Алексеева, О. Кожуховой: большинство рассказов, миниатюр, воспоминаний посвящены не себе, а однополчанам.

Так, «Дивизионка» И. Алексеева включает в себя и глубоко трагические новеллы о друзьях-товарищах («Максимыч», «Валька»), и новеллы юмористические, напоминающие солдатские байки («Гусь-диверсант», «Иван Обухов и его первый выстрел»), и новеллы о любви («Сонечко мое»). Автор любит своих героев, годы и заботы не дали ему забыть сослуживцев. Радостны послевоенные встречи с ними, признательностью проникнуты заключительные слова повести: «Доброго вам пути, хорошие

люди!» Но когда писатель говорит о себе, интонация меняется. Появляются ирония, подтрунивание над собственной незадачливостью, нерасторопностью. Он даже признается, что литературным делом занялся случайно; некому было работать в дивизионке, «крошечной газетке с воинственно-внушительным названием «Русский богатырь» [4, т. 2, с. 297]. И хотя читатель понимает, что не случай определил дело, все же нельзя не проникнуться теплотой и уважением к писателю, с улыбкой рассказывающему о своих первых корреспонденциях, о том, как писал приключенческую повесть, где действуют русский разведчик Аниканов (Аника-воин) и немецкий шпион Гроссшвайн («так и пригвоздил фамилией»).

Такое «приземление пафоса при рассказе о себе — не художественный прием, а показатель авторской скромности. Это свойственно не только М. Алексею. П. Вершигора в книге «Люди с чистой совестью» предельно точен, скрупулезен, когда рассказывает о боевых операциях отряда Ковпака, исключительно бережен в передаче фактов, фамилий и поднимается до патетики, говоря о мужестве партизан. Но здесь же насмешливо-иронически описывает автор собственные мытарства («похождения»): как воображал себя героем во время ночного дежурства на крыше киевской киностудии, как «не удержался в почтенной должности» интенданта полка (не смог справедливо разделить селедку между солдатами).

Автобиографический характер лирической прозы о войне определил характер повествовательной манеры. Чаще всего рассказ ведется от первого лица, и почти во всех случаях можно говорить о совпадении лирического героя с автором произведения. В. Субботин считал, что выбросить в такой литературе местоимение «я» — «все равно что выбить сваю из-под моста» [9, т. 2, с. 457]. Даже если нет прямого указания на автобиографизм (в предисловии, например, или в совпадении имен, фамилий), писатель-лирик всеми средствами повествовательного искусства старается убедить, что все рассказанное происходило именно с ним. Так, В. П. Астафьев («Макаронина») приводит случай из жизни молодого солдата. Раздали суп, из одного котелка приходилось есть двоим. Подробно переданы чувства лирического героя: усталость, голод, досада, опасение, что ему достанется меньше, наконец — просто мучения от раздумий, кто съест последнюю макаронину. Потом уж пришел стыд за все эти мысли, а случай стал уроком на долгие годы. Не станем размышлять, была ли в жизни В. П. Астафьева такая история. Но «я» — форма письма, обнажающая детализацию в передаче ощущений, дидактический характер рассказа заставляет поверить в достоверность события и авторскую причастность к нему. К этому и стремился писатель.

Как правило, авторы лирических произведений о войне не скрываются за именами персонифицированных героев. Это стало особенностью стилей А. Яншина, Е. Носова, Я. Брыля, О. Кожуховой (исключение — роман «Ранний снег», где судьба пи-

сательницы отразилась в судьбах ее героинь Шуры Углянцевой, Марьяны, Женьки). Но соотносительность событий, изображенных в лирическом произведении, с биографией писателя вовсе не исключает художественного вымысла. Он допустим, но, думается, в тех пределах, чтобы не нарушилась лирическая убедительность, составляющая главное обаяние лирической прозы. Ясно, например, что лирический герой «Последнего поклона» В. П. Астафьева в какой мере вымышлен и зовут его Витя Потылицын. Но читатель не сомневается: это детство, юность и молодость самого писателя.

Лирическим произведениям о войне свойственно не только изображение событий тяжелых военных лет, но и нравственно-философское осмысление ситуаций, коллизий. Постановка проблем жизни и смерти, добра и зла, размышления о Родине, народе, о смысле подвига — главные темы лирического творчества О. Кожуховой.

Чаще всего писательница обращается к малым лиро-прозаическим жанрам: лирическому рассказу, миниатюре. Событие, впечатление дают толчок раздумьям, воспоминаниям, — так организуется сюжет произведений. Теплая, благоустроенная квартира, яркие огни ночных улиц — но за все это заплачено миллионами жизней, «чтобы ты сегодня спокойно спал в своей постели, видел солнце, ел хлеб, любил. Погибли не мы, а они. Не наши отданы жизни, а их...» («Рано утром и поздно вечером») [6, с. 410]. Воспоминания о войне тяжелы, мучают сердце, но избавиться от них невозможно: «Отчего это страшное, это ужасное заставляет опять и опять к нему возвращаться — мыслью, сердцем, повторяемым ощущением? Может быть, жизнь не дала равноценную радость и равноценное счастье, которые бы зачеркнули этот ужас? Или же, что вернее всего, — этот ужас вообще никогда и ничем нельзя зачеркнуть?..» [6, с. 423]. Песня военных лет «Темная ночь», услышанная по радио, пробуждает не сентиментальную грусть, а память: трудные, с большими потерями атаки Витебска, замученные фашистами партизанские дети, взятые в качестве заложников, слезы мужчины, заплакавшего от глухой, смертной муки, стон сквозь скрип зубами, траншеи переднего края.

Рассказы О. Кожуховой отличаются особой остротой нравственно-этической проблематики. Она беспощадна к человеку, струсившему и бросившему товарищей во время боя («В декабре в той стране»). Ни раскаяние, ни наказание, которое он понес, ни годы не смягчили ее сурового осуждения, потому что нельзя забыть погибших «на пушистых, белых снегах под Москвой, в сорок первом году» [6, с. 465]. Рассказ «Фотография»: из кармана убитого солдата, настоящего богатыря, выпала девичья фотография. Сослуживец солдата написал девушке и сообщил о смерти товарища. Девушка ответила, завязалась переписка. А после войны они поженились. Согласие, уют и благодушные царят в их доме. И никаких омрачающих настроение воспоминаний. Горечь пронизывает сердце О. Кожуховой.

вой: да, они заслужили, выстрадали счастье. Но почему же они так легко забыли того, кто «отдал другим не одну только свою жизнь, но и что-то еще, куда больше жизни, взамен уже больше не требуя ничего?» [5, с. 469].

Лирическая проза о войне — это глубоко эмоциональная литература. Проникнутая печалью, горечью, болью души, она заставляет сопереживать, вызывает к чувствам и мыслям читателя. Поистине вселенская скорбь звучит в словах В. Субботина при виде разрушений Варшавы: «Какая холодная, унылая земля открылась нам за Варшавой. Какую жалость к людям и тоску испытал я на этих полях! Какой пронизывающий душу ветер дул тогда на этих пространствах... Или это впервые коснулось меня дыхание чужбины? Ее ветер сирый...» [9, т. 1, с. 177].

Выделяя характерные черты лирической прозы о войне, мы далеки от мысли нивелировать художественные особенности произведений. Разумеется, творческая индивидуальность писателя остается неповторимой. Рассказам М. Алексева свойственны лаконизм, простота построения фразы. Все это — из установки на живой, непосредственный разговор с читателем. Для В. Субботина характерно неторопливое, обстоятельное описание. Почерк С. Смирнова отличает скрупулезный анализ фактов, публицистический пафос. В. Астафьев соединяет масштабность изображения событий (главы «Последнего поклона» о войне) с нравственно-философской проблематикой («Звездопад», «Поросли окопы травой», «Тельняшка с Тихого океана»). А. Яшин показал трагический смысл войны на особом, поэтическом, уровне.

Его лирический рассказ «После боя» весь построен на контрастах, противопоставлениях (распространенный прием в поэтическом искусстве). Величественные горы, где идет бой, — и грохот пушек, способный, кажется, сокрушить вершины; солнечный свет, зелень — а на траве тела убитых; уцелевший после боя солдат, плачущий о своих близких, — и орел, принявший его за добычу. Повествование пронизано ощущением света, ярких красок. Но это не только способ утверждения жизни. Это фон, благодаря которому особенно остро осознается противоестественность убийства и разрушения, преступность войны.

А. Яшин понимал: то, что чувствовал он в те минуты, чувствовали все оставшиеся в живых солдаты. Подчеркивая закономерность этих чувств, ощущений, писатель использует повествование от второго лица: «Когда в горах стреляют... и глухое эхо грохочет и обступает тебя со всех сторон, высота и простор ощущаются особенно сильно. Кажется, что ты находишься не на земле — на небе, где-то среди громов... Стоишь и удивляешься сам себе: либо ты очень мал среди каменных, и потому никакая пуля не может тебя задеть, либо очень велик, почти бесплотен, как эхо, и жизни твоей все равно никогда не будет конца» [10, с. 202].

Заметим, что употребление местоимений «ты» и «вы» в лирической прозе — это не только прием обобщения эмоций. Это и своеобразное обращение к читателю, его жизненному опыту, призы­вы нагляднее представить обстановку.

Свой подход к изображению войны у Е. И. Носова. В его сурово-реалистической повести «Красное вино победы» мы не найдем описания боев. Действие разворачивается в госпитале с тяжелоранеными солдатами, живущими в предчувствии Победы. Картины госпитального быта, смерть и страдания товарищей, горькие причитания женщин, в день победы пришедших под окно госпиталя, — все написано рукой очевидца, через годы не смирившегося с жестокими потерями. Реалистическая выверенность деталей (перенаполненные палаты, гимнастерки, в которой все по очереди фотографируются), порой натуралистические подробности (гнилостный запах, зуд заживающих ран) необходимы Е. Носову, чтобы обрисовать современному читателю еще одну страшную сторону войны — госпиталь, в котором тяжело страдают люди.

В передаче деталей фронтового быта писатели особенно щепетильны: без верности, точности бытовых реалий не будет полной правды о войне, не будет доверия к ним, очевидцам. В. Суботтин подмечает солдатскую печь, сделанную из трубы, газету на столе, от которой все отрывают на сигарки. М. Алексеев не раз упоминает о старом, выдавшем виды грузовике, отданном в распоряжение дивизионной газеты, о сваленном в кузов редакционном имуществе (брзент, бумага, мешок с литерами, связки газет). В. Астафьев коротко, но красноречиво говорит о бессонных ночах, скудной солдатской кухне, помятых котелках, мокрой, тяжелой одежде. Такое включение эпического («прозаического») материала, без сомнения, расширяет художественные возможности лирического произведения, сообщает необходимую убедительность повествования.

Все рассмотренные нами произведения написаны бывшими фронтовиками. Отсюда — определенное стилевое единство: воспоминания, дневниковые записи в основе содержания, автобиографизм и форма повествования от первого лица, совпадение лирического героя с автором, предельная точность в описании фронтовых и госпитальных будней. Стремясь к наиболее полному воссозданию пережитого на войне, писатели обращаются к циклам лирических рассказов, миниатюр, очерков, объединенных одной идеей, авторской страстью, одним лирическим героем («Дивизионка», «Биография моего блокнота» М. Алексеева, «Последний поклон» В. Астафьева, «Рано утром и поздно вечером», «Молчание неба» О. Кожуховой, «Как кончаются войны» В. Суботина).

Сходство, между тем, не заслоняет творческой индивидуальности художников, и почерк О. Кожуховой нельзя спутать с манерой письма М. Алексеева, лирические произведения В. Астафьева не похожи на рассказы А. Яншина. Но дело не только в авторской манере. Богатство и разнообразие лирических про-

изведений, их художественные достоинства обусловлены всякий раз новым, неожиданным, глубоко личным подходом к ситуации, своеобразным соединением эпического материала с лирической задушевностью (зачастую очень несходным в разных рассказах одного писателя), включением в повествование действий, диалога, обширных описаний, поиском новых приемов и средств лирической выразительности. Все это подтверждает неограниченные возможности лирической прозы в осмыслении и воплощении темы Великой Отечественной войны. В отличие от больших эпических полотен, она хранит исповедь очевидцев, подлинные имена сражавшихся и погибших на войне. Отсутствие острых сюжетов, вымышленных ситуаций и героев, а также высокая эмоциональная напряженность, искренность обеспечат ей интерес читателей, ищущих в литературе правды описания эпохи.

Остается, однако, вопрос: будет ли дальше развиваться лирическая проза о войне? Уходят очевидцы войны — уйдет и «поэтика участника?»

Общение к лирической литературе последних лет позволяет судить о развитии новых тенденций в освоении военной темы. Писатели, на долю которых пришлось военное детство, пишут о войне так, как она им запомнилась: потеря близких, тяжелая работа, стремление мальчишек на фронт. Подробно воссоздаются детские впечатления, а к ним — «взрослый» комментарий (лирические повести Н. Самохина «Сходить на войну» и В. Юровских «Синие пташки-пикушки»).

Обозначился и другой подход к теме — раздумья нашего молодого современника о войне, военном поколении. В миниатюре В. Крупина «Передаю» рассказано о случайной встрече с незнакомым фронтовиком. Несколько несвязных фраз пожилого больного человека о погибших товарищах, о «гусеницах в крови» — и разрушено будничное настроение человека 80-х, и вновь пробуждены горечь о павших и тревога за будущее. Писатель выполняет наказ бывшего гвардейца: он передает современникам-читателям, что гвардейцы «если что ... хоть сейчас... Грудью!».

Думается, что тема войны неисчерпаема и в современной лирической прозе всегда актуальна. Ибо она пробуждает и совесть читателя.

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. М., 1953—1959. Т. 2.
2. *Гегель Георг Вильям Фридрих.* Эстетика: В 4 т. М., 1968—1978.
3. *Алексеев М.* Бессмертие. М., 1980.
4. *Алексеев М.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1975. Т. 2.
5. *Кожухова О.* Молчание неба. М., 1969.
6. *Кожухова О.* Рано утром и поздно вечером. М., 1979.
7. *Крупин В.* Зерна. Рассказы и повести. М., 1974.
8. *Михалков С.* Выступление на четвертом съезде писателей РСФСР.: Стеногр. отчет. М., 1977.
9. *Субботин В.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1981. Т. 2.
10. *Яшин А.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1972. Т. 2.